

УДК 81 '42
ББК 81.0

Н.М.Щаренская

МЕТАФОРА «ЖИЗНЬ – СТРОЕНИЕ» И ЕЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ В ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «МОЯ ЖИЗНЬ»

Статья посвящена исследованию реализации концептуальной метафоры «жизнь – строение» в повести А.П. Чехова «Моя жизнь». Анализируется ее развертывание в предметно-словесном составе повести и взаимосвязь с рядом других метафорических комплексов повести: жизнь – дорога, течение, полет, сон. Функционально метафора «жизнь – строение» направлена на характеристику общественного устройства и образа жизни человека, принимающего его законы.

Ключевые слова: *Чехов, метафора, концепт, жизнь, строение, дорога, вода, сон.*

Щаренская Наталья Марковна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-863 -2 913-133, 8-918-511-48-86
E-mail: n-scharenskaja@yandex.ru

© Щаренская Н.М., 2015.

Для современного чеховедения очевидна активизация таких методов исследования, которые усиливают внимание к языковой стороне текстов. Это обусловлено «содержательной нагруженностью языка» писателя [Лишаев, с. 144] при кажущейся его простоте. Открытие смыслов, приобретаемых языковыми единицами в сложной системе художественного целого, позволяет проникать в тайны концептуальной информации текста. Важной стороной художественного мира А.П. Чехова признана метафоричность, причем восходящая зачастую к стертým, лексикализованным выражениям [Гвоздей; Крылова]. Однако для чеховских текстов особенно значимо то, что метафора в тексте может развертываться, проявляясь в словесно-предметных деталях, поддержанных ситуативным контекстом [Крылова]. Так образуется сеть семантических связей единиц в системе, имеющая художественное значение, содержащая в себе глубокий концептуальный смысл. В художественном тексте может содержаться не одна, а несколько исходных метафор, которые к тому же могут представлять различные стороны одного познаваемого явления. Это неизбежно усложнит сеть семантических взаимоотношений в тексте, порождая единицы, одновременно связанные с разными метафорическими образами. Если при сквозном исследовании метафорической стороны творчества Чехова приходится ограничиваться выборкой тропов, иллюстрирующей те ли иные группы явлений, то при исследовании одного текста необходимо стремиться к выявле-

нию всех метафорических комплексов, прослеживая их развертывание и семантическое сплетение в сложной языковой ткани текста. Это путь к постижению «содержательной нагруженности» единиц в чеховских текстах, к глубинному смыслу произведений.

Нашу задачу мы связываем с таким целостным исследованием одного текста в плане развертывающейся в нем метафорики. Объект настоящего исследования – повесть «Моя жизнь» – содержит ряд метафорических представлений понятия «жизнь» в различных значениях репрезентирующих его лексем («общественная жизнь», «события, происходящие с человеком», «время, отпущенное человеку», «образ жизни»). Жизнь принимает образы дороги, течения, полета, строения, сна, ада, театра, железной дороги. Направляющим вектором анализа в данной статье будет метафора «жизнь – строение», представляющая собой один из характерных для русской языковой картины мира образных компонентов концепта «жизнь». Как эта метафора начинает жить в чеховском тексте, какие смыслы и оценки вносит в изображение автором жизни, как обуславливает предметно-словесный состав повести и как связана с другими образными компонентами концепта «жизнь» – вот те вопросы, которые необходимо осветить для достижения цели настоящей статьи.

В повести «Моя жизнь» метафорический образ жизни как строения отчетливо представлен в словах Мисаила, спорящего с доктором Благово о сущности прогресса: *«Если вы не заставляете своих ближних кормить вас, одевать, возить, защищать вас от врагов, то в жизни, которая вся построена на рабстве, разве это не прогресс?»* (IX, с. 221) Существительное *жизнь* в данном контексте обозначает жизнь общества в ее целостности, со всеми ее законами и установленными отношениями. Общественная жизнь выглядит как искусственно возведенное сооружение с рабством в качестве фундамента. Главным «идеологом» жизни-строения является Полознев-старший, городской архитектор. Специальность отца Мисаила соответствует «строительному» образу жизни. Развертывание метафоры происходит в первую очередь и вполне очевидно при описании домов, построенных по проекту архитектора. Однако метафора «жизнь – строение» проявляется и в менее явных и все же прозрачных единицах текста. «Строительный» подход отца к жизни просвечивает в первой же сцене – конфликта его с сыном, который решил начать рабочую жизнь.

Отец Мисаила хвалит молодых людей, имеющих *«прочное общественное положение»* (с. 193). Прилагательное *прочный* («способный не разрушаться в течение длительного времени; крепкий») явно вносит в представления о жизни человека ассоциации, связанные со строительством. Понятно, что архитектор, стоящий на страже законов устройства дворянской жизни, заботится о ее неизменности. В метафорическом образе строения это должно выглядеть как нерушимость и соответственно прочность. Очевидно, что устройство общественной жизни сказывается на жизни каждого человека, принадлежащего обществу. Его поведение

должно не нарушать общую конструкцию, а соответствовать ее части, детали с отведенным ей местом – «положением». Деталь укладывается в здание жизни, что показывает внутренняя форма самого слова «положение» (производного от *положить*).

Представление общественной жизни в образе строения характеризует ее как нечто неестественное, лишаящее человека свободы, движения. Движение предполагает другую метафору – «жизнь – дорога». С таким образным воплощением жизни связан Мисаил. Это отчетливо видно в его итоговом выводе о жизни: *«Я верю, что ничто не проходит бесследно и что каждый малейший шаг наш имеет значение для настоящей и будущей жизни»* (с. 279). Однако картина мира архитектора также включает «дорожную» метафору. Объясняется это тем, что метафора «жизнь – дорога» показывает в повести жизнь в ее онтологии, как данность, наличие которой не зависит от воли человека. Но представления героев о поведении на дороге разнятся, что соответствует разным возможностям реализации параметров соответствующей ситуации. Картины мира архитектора и Мисаила детализируются на основе двух признаков: 1) собственное направление / перемещение по следам; 2) движение / остановка. Мисаил видит движение человека как совершение собственных шагов, что показывает уже приведенный ранее контекст (*«шаг наш»*). Отец же признает лишь движение по оставленным впереди идущим следам. Позиция отца просматривается в ряде лексем с определенными корневыми морфемами, оживляющими идею движения: *«Если ты не поступишь опять на службу и последуешь своим презренным наклонностям, то я <...> лишу тебя наследства.»* (с. 194)

Перемещение по следам означает неизменность пространства, сохранение его во времени, а значит, лишает движение смысла. Такая метафора показывает не меняющуюся в своей сути жизнь. Но для архитектора, охраняющего общественную «постройку», движение неприемлемо. Метафоры «жизнь – строение» и «жизнь – дорога» вступают в отношения противоречия в первую очередь по признаку движение / неподвижность. Для архитектора дорожная метафора – результат наличия самой жизни, такой, какова она в действительности, однако он пытается совместить «реальную» метафору с собственными «строительными» представлениями. Для этого нужно остановить движение на дороге.

«Примирение» строительной и дорожной метафоры достигается в картине мира отца с помощью идеи «наследования», а также представления о «хорошей дороге»: *«Все мои сверстники <...> были на хорошей дороге, и сын управляющего конторой Государственного банка был уже коллежским асессором, я же, единственный сын, был ничем!»* (с. 194). Очевидно, что в рассказ Мисаила вводится лексика отца, и именно этим объясняется появление метафоры «хорошая дорога».

«Быть (стоять) на хорошей дороге» – это обычная фразеологическая единица русского языка, связанная с базовой концептуальной метафорой «жизнь – дорога». Она означает одобрение жизненного выбора человека, его деятельности, как карьерной, так и иной, которая показы-

ваает в нем достойного, хорошего человека ('повышаться службою, почестями, или стремиться к добру' [Даль, с. 473]). Понятно, что для отца Мисаила и представителей его общества хорошая дорога связана исключительно со службой, с положением в социальной иерархии. Обратим внимание на то, что использованный А.П. Чеховым фразеологизм не включает глагол перемещения – *идти*, в него входит глагол *быть* или *стоять*. Писателем употреблен глагол *быть*. Взгляд отца заметно «корректирует» образ, представляющий объективную картину жизни как дороги и человека-пешехода: он не включает движение. Фразеология архитектора показывает только факт человеческого существования, присутствия на дороге жизни.

Как выглядит человек, который лишь находится на дороге жизни, не передвигаясь? В приведенных словах Мисаила обращает на себя внимание неодушевленное местоимение *ничто*, заменяющее одушевленное *никто*. В русском языке представление о работе человека в определенной должности связано с одушевленностью (ср.: Кем он работает?) В словах Мисаила замена *никто* на *ничто* приобретает два смысла. Первый выражает презрительное отношение общества к таким, как он, второй намекает на мертвенность тех, кто получает «должности» на «хорошей дороге». Мертвящее действие занятий, которые позволяет иметь «хорошее» общество, подчеркнута метафорически: «*Моя деятельность в сфере учебной и служебной не требовала ни напряжения ума, ни таланта <...> она была машинной.*» (с. 197).

Таким образом, метафора «хорошая дорога» вполне соответствует строительной: на «хорошей дороге» запрещается собственное передвижение, а прочность и неизменность возведенной конструкции зависит именно от неподвижности человека – детали этой конструкции.

Строительная и дорожная метафоры обнаруживают также принципиальное сходство в запрете архитектора сыну следовать собственным «наклонностям» («*последуешь своим презренным наклонностям*»). Использованное А.П. Чеховым существительное, с одной стороны, демонстрирует опасный своими разрушительными последствиями наклон «детали» конструкции, с другой – ассоциируется с отклонениями на дороге – от линии проложенных следов. В этом плане интересно обратить внимание на рассказ героя о том, как осуществлялась процедура наказания его отцом: «*В детстве, когда меня бил отец, я должен был стоять прямо, руки по швам*» (с. 196). То, что Мисаил должен стоять прямо, показывает, что экзекуция следует за каким-то проявлением свободы, движением, отклонением и приводит человека в нужное, ровное положение. В детстве, когда естественно позволяется некоторая свобода, герой еще *стоит*, затем с выходом на «хорошую дорогу» он должен обрести «общественное положение», *быть* на ней, превратившись в деталь общей постройки, уложенную на свое место.

Мисаил уходит из дома архитектора, поскольку хочет свободы, движения, совершения собственных шагов. Отец пытается удержать его в общей конструкции, или на «хорошей дороге», на ничего не меняющем

в жизни направлении оставленных следов. Сила, держащая и направляющая человека, представлена в повести в образе некоего «управляющего» – своего рода персонификации этой силы. Именно с конфликта героя с ним начинается «Моя жизнь»: *«Управляющий сказал мне: “Держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке, а то бы вы у меня давно полетели”»* (с. 192). Стремление Мисаила к свободе заставляет управляющего «держат» его, с тем чтобы остановить движение. «Управляющий» должен сохранять целостность строительной конструкции, возведенной по идее архитектора. «Удержаться» на месте не так просто: управляющий готов немедленно выбросить каждого, кто проявит непослушание. В этом «устрашающий» смысл слов *«а то бы вы у меня давно полетели»*. Но Мисаил и не хочет держаться на месте: слова управляющего вызывают у него ассоциации, связанные с представлением о полной свободе, ничем не скованном движении: *«Вы слишком льстите мне, ваше превосходительство, полагая, что я умею летать»*. (с. 192).

Рабочая жизнь Мисаила связана именно с дорогой. Повествование о ее начале сопровождается описанием свободного движения героя на земле, на улице, в толпе таких же находящихся на дороге жизни людей: *«Я мог спать на земле, мог ходить босиком <...> мог стоять в толпе простого народа, никого не стесняя, и когда на улице падала извозчичья лошадь, то я бежал и помогал поднять ее»* (с. 216). То, что это совершенно новая для героя жизнь, причем именно жизнь, подчеркивает обычное, стертное сравнение: *«...всё было ново, точно я вновь родился»* (с. 216).

Однако затем на какое-то время герой все же попадает в общую строительную конструкцию жизни. Происходит это во время его любви к Маше и их недолгого пребывания в Дубечне.

Представления о жизни Маши включают три образа – строения, дороги и течения. Неудовлетворенная своей богатой жизнью, она говорит: *«...надо **устраивать** себе жизнь как-нибудь по-иному»* (с. 230). Маша собирается заниматься сельским хозяйством, что станет попыткой создать собственное устройство жизни. Это связано с одним из общественных течений, выбираемых ею для этой цели, – толстовством, опрощением. Такова программа Маши, мыслящей себя человеком, неспособным самостоятельно идти по дороге жизни, который может лишь плыть по «течению», в русле той или иной общественной идеологии: *«Талантливые, богато одаренные натуры <...> знают, как им жить, и идут своей дорогой; средние же люди, как я, например, ничего не знают и ничего сами не могут; им ничего больше не остается, как подметить какое-нибудь глубокое общественное течение и плыть, куда оно понесет»* (с. 230).

В дубеченских сценах разворачиваются, переплетаясь, две или три метафоры. Жизнь в образах дороги и течения проглядывает в таких деталях, как испорченные дождем дороги, наступившая *«распутица»* (с. 245). Одновременное, слитое воедино разворачивание строительной, водной и дорожной метафор происходит в сцене, связанной с затеянным Машей строительством школы: *«Дорога испортилась, стало грязно <...>*

*Вот в воротах показывается лошадь <...> вползает <...> двенадцатиаршинное бревно, мокрое, осклизлое на вид; возле него, запахнувшись от дождя, не глядя под ноги, не обходя луж, шагает мужик <...> Показывается другая подвода – с тёмом, потом третья – с бревном, четвертая... и место <...> мало-помалу запруживается лошадьми, бревнами, досками» (с. 249) Примечателен метафорический глагол *запруживаться*, значение которого включает семы 'сооружение' и 'течение'.*

Мисаил в Дубечне под влиянием Маши тоже попадает в «течение», настоящее «опрошение», однако примечательно, что в этот период жизни, особенно вначале, он ощущает себя в воздухе, уносимым воздушным шаром жизни: *«...я совсем потерял способность управлять ею (жизнью. – Н.Щ.), и она, точно воздушный шар, уносила меня бог знает куда»* (с. 242). Появление «воздушной» метафоры имеет несколько причин. Во-первых, неприятие героями идеи общественных течений вообще (Мисаилом) или течений существующих (доктором Благово) выражается экспрессивным синонимом «веяние» к слову «течение»: *«Такой порядок (имеется в виду рабство. – Н.Щ.) прекрасно уживается с какими угодно веяниями и течениями»* (с. 222), *«Течения, веяния, но ведь всё это мелко, мизерательно...»* (с. 230). Тем самым воздушная среда приравнивается к водной, причем совершенно очевидно одинаковое, несвободное положение человека, уносимого водными или воздушными потоками. Во-вторых, воздушная метафора соответствует захватившему героя чувству. В ней можно увидеть типичную ориентационную метафору, связывающую счастье с пространственным верхом [Лакофф, с. 35]. Такие ориентационные метафоры в творчестве А.П. Чехова отмечены исследователями и, в частности, в повести «Моя жизнь» в связи с чувством Мисаила к Маше [Крылова, с. 36].

Е.О. Крылова обращает внимание на метафору, изображающую окончание счастливого периода любви Мисаила: *«Какое это огромное счастье любить и быть любимым и какой ужас чувствовать, что начинаешь сваливаться с этой высокой башни!»* (с. 261) Эту метафору исследователь рассматривает как ориентационно-предметную: счастье взаимной любви соответствует верху и видится в образе «большого предмета» [Крылова, с. 36]. Смысл этого образа Е.О. Крылова связывает с нерушимостью «башни любви» и неспособностью человека удержаться на ней [Крылова]. Пространственно метафора соответствует сравнению жизни с воздушным шаром и положению героя, уносимого им. Сам же предмет, с которым сравнивается счастье любви, башня, представляет собой развертывание метафоры «жизнь – строение» – результат устройства Машей жизни *«по-иному»*. В контексте метафорического изображения жизни в повести смыслом образа башни становится искусственность того сооружения жизни, которое возводилось по желанию Маши и к которому, увлеченный жизнью, не отдавая себе отчета, оказался причастен Мисаил. В дубеченских главах примечателен следующий контекст: *«Сколько тяжелых разочарований на первых же порах, в весенние месяцы, когда так хотелось быть счастливым! Моя жена строила школу.»*

(с. 248). В нем рядом оказываются два предложения, содержательно никак не связанные между собой: речь идет сначала о счастье и тут же, в нарушение логики, о строительстве. Такое странное объединение, однако, имеет художественный смысл: становится понятно, что счастье героя зависит от строительной деятельности Маши. Затем то же показывает метафора «башня любви». Таким образом, башня – это образ, порожденный взаимодействием строительной и воздушной метафор.

Но «воздушная» метафора отвечает не только логике «высокого» чувства, но и связи воздушной стихии жизни с водной, когда человек, теряя почву, не может совершать обдуманные шаги. Метафоре «башня любви» соответствует одна примечательная деталь в небольшой сцене на плесе. Мисаил и Маша вытаскивают «вершу», в которую попались окунь и рак. Маша говорит: «*Выпусти их <...> Пусть и они будут счастливы*» (с. 246). Здесь явное «архитектурное» сходство башни и водной ловушки: верша представляет собой устройство конической формы, т.е. имеет высоту, вертикаль, как и башня. Примечателен выбор рыболовной снасти, именование которой для читателя прозрачно с этимологической точки зрения и вызывает ассоциации, связанные с верхом, хотя такая этимология предположительна («ввиду конической формы снасти, по-видимому, производное от праслав. *vъгхъ [Фасмер, с. 302]). Так, привычная ориентационная метафора, поднимающая человека в состоянии счастья вверх, с одной стороны, сохраняется, а с другой – разрушается: вода воплощает пространственный низ. Игра обычными ориентационными представлениями соответствует равенству водной и воздушной сред обитания несвободного человека и связи с ними строения жизни.

Важно, что, будучи вовлечен в строительную деятельность Маши, Мисаил выполнил функцию архитектора: «*Я начертил план школы на шестьдесят мальчиков*» (с. 248). При этом «земская управа одобрила» план. В этой детали проглядывает лик угодного отцу «управляющего», смотрителя общественной постройки. Заметим попутно совпадение чисел: город, в котором строит архитектор, насчитывал шестьдесят тысяч жителей. Школа Маши и Мисаила – уменьшенная копия города. При существующих нормах жизни школа должна поддерживать надлежащий порядок, и Мисаил невольно оказывается в числе его охранителей.

Чем заканчивается для Маши попытка устроить свою жизнь «по-иному»? Ответ на этот вопрос содержится в сцене последней ночи Маши в Дубечне. Внутреннее состояние героини – осознание своей ошибки и принятие решения вернуться в город, к своей прежней жизни – переводится на пространственно-метафорический язык, код которого под-сказан комплексом базовых метафор текста. Соответствующие смыслы прочитываются в деталях, воплощенных в определенных лексических единицах. Заметим, что все мысли, внутренние движения Маши сопровождаются укладыванием в постель, что представлено в деталях: «*Она пошла и легла*» (с. 261) «*сказала она из спальни*», «*жена лежала в постели, уже одетая*» (с. 263). То, что Маша одета, показывает, что она окончательно готова к отъезду, к возвращению в город.

В этот момент у Маши какой-то особый взгляд: она *«глядела так, будто очнулась от забытья и теперь удивлялась, как это она, такая умная, воспитанная, такая опрятная, могла попасть <...> в шайку мелких, ничтожных людей, и как это она могла забыться до такой степени, что даже увлеклась одним из этих людей и больше полугода была его женой»* (с. 263). Состояние героини, предшествовавшее прозрению, А.П. Чехов определил как «забытье», т.е. беспамятство, легкий сон, дрема [Даль, с. 556]. Ощущения ее в момент прозрения передаются с помощью сравнительной конструкции (*«глядела так, будто очнулась от забытья»*). Ее поверхностный смысл связан с ирреальным сравнением, с тем, что в реальности Маша, конечно, беспамятством не страдала и не спала в течение своей жизни в Дубечне. Однако глубинный смысл заключается в том, что Маша не выходит из состояния забытья. Забытье обусловлено тем, что она «забывается» (*«как это она могла забыться до такой степени...»*). Глагол собственно-возвратного залога означает, что «действие глагольного признака имеет своим объектом физическую личность самого субъекта-производителя действия» [Шахматов, с. 477]. Это значит, что Маша забывает себя, и этот смысл подчеркивается благодаря воссозданию мысленного представления и оценки героиней собственного образа (*«такая умная, воспитанная, такая опрятная»*). Определение «опрятная» соответствует внешнему виду, достойному человека соответствующего образа жизни. Заметим, что накануне отъезда Маша привозит из города журналы с картинками нарядов. Перед своим укладыванием в постель она выбирает для себя серое платье. Переставая «забываться», она вспоминает себя в «достойном» виде.

«Забываться» запрещал Мисаилу отец, когда он отказывался от должностей и от наследства, собираясь начать трудовую жизнь: *«Ты стал забываться!»* (с. 196). «Забываться» – значит вести себя не в соответствии с общественным положением. Выход Маши из забытья означает, что она перестает «забываться». Но то, что человек не забывается, это и есть забытье, сон – еще одна метафора жизни в повести.

Для А.П. Чехова сон – одно из важнейших образных воплощений существующей действительности. В наиболее явном виде, в форме непосредственной метафоры этот образ представлен в рассказе «Крыжовник», где развернутая картина общественной жизни сопровождается предикацией: *«Это общий гипноз»* (X, с. 62). В повести «Моя жизнь» эта метафора реализуется уже в развернутом виде, проявляясь в деталях, связанных с укладыванием героини в постель. Но это укладывание соответствует также метафоре «жизнь – строение», которая выражалась, как мы видели, в требовании архитектора для сына «общественного положения». Связь метафор демонстрирует мертвенность человека «спящего», находящегося (лежащего) в забытье в возведенной постройке общественной жизни.

История устройства Машей жизни *«по-иному»* показывает, что возвести здание новой жизни невозможно: Маша улеглась на старое место – вернулась в город, к своей прежней жизни. В повести «Моя жизнь»

метафора «жизнь – строение» имеет негативную коннотацию, показывая искусственность, мертвенность жизни и определенный, очень узкий объем: она представляет общественную жизнь, основанную на рабстве. Именно поэтому, во-первых, невозможны собственные, частные постройки, а во-вторых, невозможно возведение принципиально нового здания. Метафора «жизнь – строение» предполагает только одно «архитектурное решение»: рабство в качестве фундамента. Мисаил говорит, что рабство остается со времен «Батыея», ему просто придаются более «*утонченные формы*» (с. 222). В рамках метафоры «жизнь – строение» это означает неизменность существующей общественной постройки. Метафорический контекст «Моей жизни» не позволяет создавать картину даже внешнего изменения строения. Знаменитая характеристика жизни в комедии А.С. Грибоедова – «Дома новы, но предрассудки стары» – разрушит чеховскую метафору, превратив в антитезу то, что у Чехова интегрируется в метафорической картине.

Итак, строительная метафора в повести «Моя жизнь» порождает важнейший образ жизни, представляющий общественный порядок. Ее развертывание показывает место человека в общественной постройке, характеризуя его образ жизни и определяя духовное состояние как мертвенное, лишенное жизни. В этом плане через признак положения в пространстве она соединяется с метафорой «жизнь – сон, забытьё». С представлением жизни в образе дороги строительная метафора входит в отношения противопоставления: они отличаются по признаку наличия движения и его отсутствия, а также естественности и искусственности, жизни в ее онтологии и феноменологии, воплощении как объекта деятельности людей. Метафоры течения и полета, в определенной степени дублирующие друг друга образы жизни человека несамостоятельного, управляемого, в совокупности с представлением жизни как строения создают полную картину реальной жизни общества. Она не меняется в своей сути при всей наполненности ее различного рода движениями общественной мысли и идеями, приходящими на смену друг другу.

Литература и источники

- Гак В.Г.* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971, М.: Наука, 1972.
- Гвоздей В.Н.* Секреты чеховского художественного текста. Астрахань, 1999.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского словаря: в 4 т. М., 2006. Т. 1.
- Крылова Е.О.* Метафора как смыслопорождающий механизм в художественном мире А.П. Чехова: дис.... канд. филол. наук. СПб., 2009.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
- Лишаев С.А.* А. П. Чехов: стилистика неопределенности // Mikstura verborum`99: онтология, эстетика, культура: сб. ст. Самара, 2000.

Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М., 1974 – 1982. Т. 9,10. Все примеры из повести «Моя жизнь» и из рассказа «Крыжовник» приводятся по указанному изданию.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1.
Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

References

Gak V.G. К проблеме семантической синтагматики//Проблемы структурной лингвистики. 1971, М.: Наука, 1972.

Gvozdey V.N. Sekrety chekhovskogo khudozhestvennogo teksta. Astrakhan', 1999.

Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo slovarya: v 4 t. М., 2006. Т. 1.

Krylova E.O. Metafora kak smysloporozhdayushchii mekhanizm v khudozhestvennom mire A.P. Chekhova: dis.... kand. filol. nauk. SPb., 2009.

Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metaforы, kotorymi my zhivem. М., 2004.

Lishaev S. A. A. P. Chekhov: stilistika neopredelennosti // Mikstura verborum`99: ontologiya, estetika, kul'tura: sb. st. Samara, 2000.

Chekhov A.P. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Soch.: v 18 t. М., 1974 – 1982. Т. 9,10. Vse primery iz povesti «Moya zhizn'» i iz rasskaza «Kryzhovnik» privodyatsya po ukazannomu izdaniyu.

Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. М., 1986. Т. 1.
Shakhmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka. L., 1941.

Scharenskaya N.M. (Southern federal university, Rostov-on-Don, Russian Federation)

Metaphor “life - formation” and its connection with other basic metaphors in the narrative by A.P. “My life”

The article studies the implementation of the conceptual metaphor of life – in the structure of the novel by A.P. Chekhov “My Life”. It is analyzed the relationship with a number of other complexes of metaphorical story (life – road for the flight, sleep), traced their deployment in object-verbal part of the story and semantic plexus in complex linguistic fabric of the text. This method of the study facilitates the comprehension of the aesthetic values of linguistic units text and its deeper meaning. The analysis proves that the building metaphor in the novel “My Life” gives rise to one of the most important ways of life of public order. It shows the deployment of man's place in public buildings, describing his lifestyle and determining the spiritual condition as a deathly, devoid of life. In a sign of the horizontal and static position in space it is connected with the metaphor of life – sleep, oblivion. With the introduction of life in the form of road construction metaphor enters into a relationship of opposition: they are differently based on whether the movement and its absence, as well as natural and artificial, life in its ontology and its phenomenology, as the embodiment of the object of human activity. Metaphors flow and flight – to a certain extent overlapping images of a person's life non-self-managed – together with the idea of life as building a complete picture of real-life human life. It does not change in its essence

with all the fullness of its social movements of different kinds of thoughts and ideas that come to replace one another.

Key words: *Chekhov, concept, life, structure, road, water, sleep.*

Scharenskaya Natalya Markovna – candidate of linguistics, professor assistant of the Russian language dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication, Southern federal university. Phone: 8-863 -2 913-133, 8-918-511-48-86; e-mail: n-scharenskaja@yandex.ru